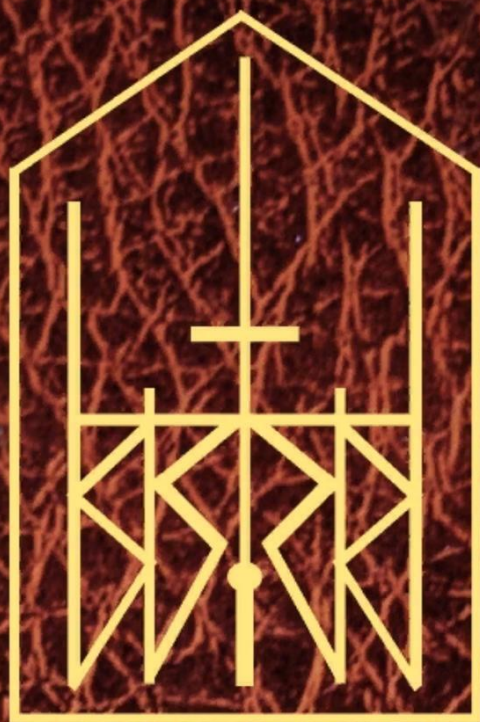

Роман Кутузов

КОРЕНЬ РОДА

Роман Кутузов

Корень рода

«Автор»

2022

Кутузов Р. М.

Корень рода / Р. М. Кутузов — «Автор», 2022

Что такое волшебство в реальной жизни? Что такое вера в волшебном мире?
А разные ли это миры? На эти вопросы можно будет ответить читая эту книгу
и выйдя из дома. Есть ли место среди людей каким либо другим существам. И
живут ли они по тем законам, которые написаны для человека?

© Кутузов Р. М., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Роман Кутузов

Корень рода

Глава 1

Как обычно я шёл по площади, поглаживая деревья. Я был уверен, что они чувствуют мои прикосновения, а если это и были всего лишь мои фантазии, то я сам от ощущения грубой и тёплой коры под ладонью получал сказочные ощущения и прямо таки мистическое успокоение. Мало того, я был уверен, что деревья слышат меня, поэтому здоровался с ними и говорил. С самого детства это был мой ритуал. Бабушка жила на окраине города, и путь к ней лежал по берегу, густо поросшему ивами. Это были далеко не дикие места, и шёл я по нормальному тротуару, но от воды и от дороги меня отрезали те самые ивы. В том возрасте ивы мне казались вековыми. Стволы многих из них были в три – четыре обхвата взрослого человека, и так как они росли по обеим сторонам тротуара, огромные кроны образовывали сказочный туннель. Летом этот туннель был малахитово зелёным, осенью и весной проход был сплетён то ли из ветвей, то ли из корней уходящих в небо, а зимой это был просто проход под гигантским сугробом, с редко пробивающимися лучами солнца, как будто через проталины во льду.

Так вот уже тогда я шёл, здоровался и говорил с деревьями. Говорил ни о чём то конкретном – обо всём сразу, как будто я какой-то странный почтальон, который приходит и рассказывает о том мире, до которого деревьям не дотянуться. И мне казалось, что меня слушают. Я даже ощущал, что я иду в зелёной энергии, как в воде. И энергия эта идёт прозрачная из под земли, разливается зелёным по земле, от каждой травинки и дерева и столбами света уходит вверх. А когда на небе висели грозовые облака, я в воображении стягивал к себе несколько таких столбов света, и направлял их в облака. И всегда мог добежать до бабушки сухим, а дождь прорывало, как из ведра, как только я переступал порог коридора. Я был уверен в реальности этой своей способности, хотя бы потому, что если в такие моменты что-то отвлекало меня от сосредоточения, струи света разбегались в разные стороны, ливень обрушивался стеной, и я оказывался промокшим до нитки.

Потом, когда чуть подрос, я почувствовал, что деревья и так знают всё. И слушают меня только из вежливости. Может даже слегка улыбаясь. Тогда мне пришла мысль спрашивать их о том, что мне интересно. Почему-то я пребывал в полной уверенности, что растения – это живая память планеты. И все растения в мире связаны друг с другом. Но скорее всего язык деревьев разительно отличается от человеческого, поэтому я долго не понимал, что ответы на мои вопросы всё таки мне давались. И выяснил я это тоже случайно. Уже не помню каким вопросом был занят мой мозг в тот знаменательный день, когда пришло осознание ответа от любимых мной ив, но произошло это следующим образом. Мой мысленный взор побежал по волнам фантазии, не как свободно болтающаяся консервная банка, а подобно стремительно движущейся в потоке уверенного течения лодке. Тут-то меня и осенило, что я вижу и чувствую именно ответ на мой вопрос. Это был не голос, не видение и не картинка. Это было просто знание правды как она есть! Вот так родился мой иррациональный способ решать нерешаемые вопросы. Просто приходите в любое место, где есть деревья: парк, берег, сквер – на самом деле не важно. Возраст деревьев тоже был не важен. Конечно, находясь среди старых деревьев с историей, тело согревало прямо-таки теплом. Но насколько я понял, личности у деревьев как таковой нет, ну или она не совсем такая как у нас – у людей. Так что ответ приходит не от какого-то определённого дерева, а от всех. Или даже скорее всего от какого-то одного абстрактного дерева. Своеобразного мирового дерева, тело которого составляет вообще всё зелёное братство.

Вот и сегодня я пришёл на берег, к деревьям. Сел прямо на траву. Снял нательный крест, который был подвешен на верёвочные четки. И медленно перебирая узелки, прислушался к себе. Четки перетекали в пальцах. И теплота узелков иногда прерывалась холодом серебряного крестика. Но главным ощущением была пульсация в руках. Вопрос был простым, но в условиях кризиса жизненно важный – нужно решить за какой большой проект взяться. По силам мне были оба проекта, но самый главный вопрос, в том что кто-то из работодателей может просто исчезнуть и ты не получишь денег, а второй проект по срокам уже вытянуть нереально будет. И обычно в таких случаях люди со словами: «В чужую душу не заглянешь», – бросаются с головой в навоз. В моём же случае возможность заглянуть, если не в душу, то в прошлое инвесторов, имела, и грех её было упускать.

Сосредоточиваясь на пульсации крови в кончиках пальцев, я как обычно представил первого инвестора. Всегда образы приходили лёгким ветерком, и я практически наслаждался и видами, и знанием развернувшимися передо мной. А вот сегодня моё сознание, как будто провалилось в иную реальность.

Я оказался у каких-то деревянных домов, в два этажа, то ли с маленькими окнами, то ли вообще с бойницами. Дома были целиком из толстых брёвен с дощатыми крышами. Видимо я оказался на окраине какого-то селения и появился прямо посередине достаточно широкой улицы, переходивший в дорогу к недалёкому лесу. Тут же стояли человек двадцать мужчин кто с боевым топором, кто с мечом, некоторые были даже со щитами. Все взмыленные. Мужчины смотрели в направлении леса, и я увидел большую группу детей и женщин бегущих туда.

– Ждана, – крикнул священник. Как минимум он был в рясе, скуфье и зелёной фелонье, ну чем не священник. – Ждана, устои утечи до лядинок. И буде там, докамест я не грясте до вас.

Я не понял ни слова, но совершенно точно знал, что священник приказал Ждане бежать до опушки леса, и сидеть там до тех пор пока он не придёт за ними. В состоянии общения с мировым древом, такое понимание было обычным делом.

Священник повернулся к мужчинам, и я увидел его лицо. Он оказался

достаточно молодым с сочно зелёными глазами и густой бородой ниже подбородка перетянутой шнурком. А вот никакое христианское смирение не обезобразило лицо этого волевого, сильного и жёсткого человека. Опять же как обычно я совершенно точно понимал, что вижу прошлое настолько древнее, что даже русский язык мне был понятен только через общение с мировым древом. Только какое отношение это имело к моему инвестору. Уж точно события такой древности никак не могли сформировать ситуацию выбора в котором я сейчас оказался. А тем временем из города вынырнул молодой парень. В руках у него был окровавленный топор.

– Как, там дела, Ратиша? – спросил всё тот же священник.

– Отец Ридора, они на монастырь пошли, – отрапортовал запыхавшийся парень. – Я двоих порубил, еле ушёл оттуда. А другие резвятся и на торгу завязли.

– Что делать будем, Отец? – спросил здоровый мужик, с окладистой черной бородой.

– Убивать мы их будем, Доброгнев, – Нет греха на том, кто оружием против оружия стоит. Так что идите и творите кровь и смерть врагу. Но не более чем того потребно!

Он говорил и его слушали. Приказывать ему было не впервой, это было видно сразу. Он был холоден, а у мужиков, что стояли рядом, ноздри раздувались как у диких волков, и я могу поклясться, что видел сам, как они улыбались. Именно с тех пор я точно знаю, как улыбаются волки. Не дай вам Бог увидеть эту улыбку, которая растягивает только верхнюю губу, обнажая зубы и зажигая глаза диким блеском. Да, не дай вам Бог увидеть эту улыбку на лице вашего врага.

– Идите за мной. Доброгнев и все кто со щитами идите второй линией. Остальные за ними.

Священник пошёл вперёд, и только тут я увидел в его руках меч с окровавленным остриём. Такие потёки крови были и на его нагрудном кресте.

Видение пропало.

– Молодец, – прозвучал чуть хриловатый но звонкий голос справа. – Вот без всякого сомнения молодец.

Я посмотрел в сторону неожиданного собеседника и натуральным образом обалдел. Рядом со мной сидел отец Ридора из видения. Он был одет в длиннополое тёмно зелёное, практически чёрное пальто с высоким воротником. Такого же цвета брюки типа карго, заправленные в короткие хромовые сапоги. И как будто бы кожанную футболку с таким же как и на брюках обилием карманов. Если мировое древо мне показало реально древнюю историю, то вся эта древность не оставила никаких следов на жёстком лице этого человека.

– Я давно уже подумываю, кто это радует Карколиста общением. Уж как тридцать лет периодически. И ведь оно хитрюга прятало тебя от меня. – Незнакомец говорил положив подбородок на кисть левой руки, которая лежала на оголовке тёмной трости, упирающейся в землю. Незнакомец улыбался.

– Оно, это кто? – не сообразив, а скорее находясь в трансе от происходящего, спросил я.

– Карколист, – как бы мимоходом бросил он. – Друг твой. Ты с ним почитай уже лет тридцать разговариваешь, а он тебе даже не представился? Ай, хитрый дуб.

Незнакомец рассмеялся.

– Раньше за ним такой скромности не водилось, – продолжал он. – Давай уже знакомиться, самородок. Меня зовут Ридора. Я можно так сказать, здешний хранитель.

Он жестом показал мне, что ждёт моей презентации.

– А меня, – я поперхнулся и откашлялся. – Меня зовут Олег. Я как бы здешний друг Карколиста.

– Ну да не скромничай, скажешь тоже – здешний. Ты на этой планете похож единственный его друг. В противном случае окажется, что я много чего не знаю, а это будет сильным ударом по фамильным ценностям. Вот мне например, чтобы поговорить с ним вообще нужно за тридевять земель топать. Конечно это не так далеко, как может показаться, но факт остаётся фактом – просто так Древо со мной не говорит. А нам с ним, уж поверь есть что повспоминать из совместной истории.

Он подбросил на правой ладони два игральные кубика. Кубы были какие-то необычные, вместо точек на них были непонятные символы, но вполне узнаваемые игральные кубы. Оказывается Ридора всё время крутил их, да и после того как подбросил не прекратил это быстрое вращение на ладони.

– Это уже введённое упражнение, привычка, – как бы отвечая на мой мысленный вопрос ответил Ридора. Да к бесам как бы, он действительно ответил на мой мысленный вопрос. Телепат? – Тебе тоже придётся освоить это упражнение. Волшебник должен уметь делать несколько дел, одновременно контролируя их на грани сознания. Да и мысли, тем паче настолько откровенные и громкие, тоже должен уметь читать.

Он рассмеялся так открыто и откровенно, что моё недоумение просто испарилось от этого смеха. Как-то сразу было понятно, что никакого зла от этого человека быть не может.

– Ладно, пока ты в себя не пришёл, надо показать тебе мой дом. Теперь он и твой. Причём в полном смысле этого слова. Скоро тебе с семьёй надо будет переехать ко мне.

Я открыл рот в безмолвном вопросе. Он же улыбнулся ещё шире, обнял меня за плечи левой рукой. При этом трость осталась стоять на земле, как будто воткнутая в землю.

– Ну представь что ли, для простоты, что я твой далёкий родственник, и расслабься уже. Тем паче, что это не такая уж и не правда, – добавил он уже тише.

Когда я осознал, что уже стою на ногах, по ощущениям не приложив к этому никаких усилий, то внезапно встрепенулся, вспомнив о том зачем я сюда пришел, и об угрозе надвигающегося финансового краха.

– Мне бы тут одну проблему решить, – начал я.

Ридора почти удивлённо посмотрел на меня.

– Вот ты мне скажи, Карколист тебе всегда дельные советы давал?

– Ну, да.

– А сегодня он тебе что рассказал?

– Я видел Вас. Как вы собирались драться с нападшими на ваш город. Да, вы ещё там были священником. И дочь свою, Ждану, с другими стариками и детьми отправляли в лес.

Он как-то призадумался.

– Неожиданный пассаж, – помрачнев сказал он. – Оказывается, старый друг, ты болтун. Это по-видимому уже было адресовано Карколисту.

– Ну да бог с ним, – вновь просветлел Ридора. – Главное, что он показал тебе меня. А это значит, что решение твоей проблемы зависит от меня. Так что сначала экскурсия, а потом за напитком да столом всё и порешаем.

И мы двинулись от берега к центру площади.

– Давай-ка, я тебя горячим кофе угощу, – заговорил он, когда мы проходили рядом с павильончиком "Кофемолки", – здесь есть один достойный сорт кофе. И главное девочкам удастся его правильно приготовить. – Он игриво подмигнул.

После этих слов он вошёл в павильон, и тут же вышел из него с двумя бумажными стаканчиками, источавшими густой аромат чёрного кофе. Когда я брал стаканчик, то обратил внимание на то, что странные кубики просто висят в воздухе перед грудью Ридоры, а на верхних гранях символы подсвечивались зелёным. Я взял протянутый мне стаканчик, и кубы переместились обратно в ладонь волшебника, продолжив свой хоровод. Кстати трость так и вообще куда-то исчезла.

Стаканчик обжигал ладонь, но кофе был просто волшебным.

– Как то по городу иду, – заговорил Ридора, смачно отпивая из стаканчика и направляясь к башне. У нас в городе башня на площади стала некой достопримечательностью, особенно после реконструкции исторического центра города, поэтому ничего удивительного в том, что мы направлялись туда пить кофе не было. – Иду, значит, и слышу такой обалденный запах. Вот тут то я и решил, надо этот павильончик поближе к дому перенести. Пристроил к ним своих русалок. Они у меня варить-то кофе умеют, как никак семь лет на шейха вкалывали. Да и честно говоря, – это он уже говорил заговорщицким тоном, – русалки вообще без ума от приготовления напитков. Конечно, из их рук и вода покажется нектаром. А если им в руки ещё и хорошие материалы дать – язык проглотить. Они и алкогольные напитки, божественные делают, кстати в прямом смысле этого слова, но крайне не любят это.

Пока он говорил мы дошли до башни. Тут он сильной рукой остановил меня и сказал:

– Сейчас смотри за мной внимательно. Иди прям след в след. Я подпрыгну и ты прыгни. Я присяду и ты присядь. Это будет твоим испытанием.

Ридора отвернулся и пошёл вперёд. Я сосредоточился настолько, что перестал замечать всё вокруг. Ступал прямо чуть ли не наступая на пятки коротких хромовых сапог. Когда же фигура передо мной сделала поворот на носке правой ноги и растворилась в воздухе, я это конечно заметил но отреагировал только после того как сделал такой же поворот.

– Блин, да я так не успею..., – начал было я и осёкся.

Я оказался на коротко стриженной траве, в то время как площадь, по которой я шёл, была вся покрыта клинкерной плиткой, без каких бы то ни было зелёных излишеств. А башня то, мама моя. В отличии от клинкерной плитки башня наличествовала, но во первых была построена не из красного кирпича а из крупных бревен. А во вторых была полностью оплетена хмелем, который оставил свободными, только окна и дверь.

– Офигеть, – только и смог сказать я, – Это внушение?

– Если бы ты знал как я рад что у тебя всё получилось, Олежка. – Ридора стоял у меня за плечом, и говорил без всякой тени улыбки.

– Пойдём в дом, – допив кофе сказал он, и подтолкнул меня в спину. – Я называю его "дом под хмелем".

Тут я понял что ещё не допил свой кофе, да по правде уже и не хотел, но не увидев куда бы можно было его выбросить, решил оставить в руках.

– Вот это уже совершенно верное решение, – одобрил Ридора. – За чистотой у дома тут присматривает Гарм.

На этих словах он отбросил в сторону пустой стаканчик, тот пролетел около полутора метров и исчез в пасти, не пойми откуда взявшегося пса. Пёс был коренастый, чуть выше колена, вислоухий черныш. Прожевав стаканчик, он жалобным, просящим взглядом уставился на меня. Как бы говоря: "Ну кидай. Чего тянешь?"

– Но твой стаканчик, – продолжил Ридора заговорщицким тоном. – он сожрал бы вместе с руками. – он повернулся к псу, – Гарм, запомни его! Он ещё приведёт семью, их тоже запомни.

Пёс повёл носом, как бы принимаясь к запахам, и потеряв интерес, поскакал по своим делам.

Встреча с животным не оставила никакого негативного оттенка, даже наоборот как-то стало спокойно от того, что пёс меня признал. Хотя по правде сказать, выглядел Гарм совсем не внушительно. Успокоенный таким образом я наконец-то осмотрелся. Вокруг зелёной башни была лужайка, с низкой, густой, как зелёный ковёр, травой. В диаметре она была метров двадцать, и была окружена плотной стеной деревьев.

В принципе понимаю, твои чувства, – Ридора стоял по правое плечо, – получилось красиво. Давно, очень давно. Но с Божьей помощью, красиво. Ну да будет любоваться, пойдём, нам с тобой ещё много вопросов надо решить.

Сказал и направился к большим воротам ведущим в дом башню. Ну как большим, вроде таких же размеров ворота были у башни в реальном мире, но для бревенчатой постройки они казались реально огромными.

Прямо в дверях нас встретил лохматый котище. По всем признакам кот был сибирской породы, только размером по колено.

Ридора наставительно поднял палец вверх и изрёк:

А в доме, за порядком следит Тимофей, – после чего указал оным пальцем на кота.

Но, если я тут намусорю, – тем же тоном проговорил я, – он откусит мне руки.

Да, – Ридора расплылся в улыбке, – а может быть и голову. Ну да что мы всё о тебе да о тебе. Проходи.

И он сделал приглашающий жест.

Погодите, – возмутился я, – может представите меня коту?

Не. Ему это не надо.

Ему не надо, а мне возможно ещё как пригодиться. Без рук-то трудно будет, а к голове я так и вообще привык.

Ридора шумно выдохнул но сказал:

Тимофей, запомни этого остряка.

Говорят я ещё свою семью приведу, так что

Вот когда приведёшь, – сказал кот, – тогда о них и поговорим.

Сказал не как-то мысленно или мурлыкая. А прямо с чёткой артикуляцией на морде. Я так и остолбенел.

Да что ж ты творишь то, Тимоша, он только что оттаял, – всплеснул руками Ридора.

Мой взгляд растерянно метался от кота к Ридоре и обратно.

А..., – голос предательски ушёл на фальцет, – а, пёс говорит? – выдавил я из себя.

Да не дай нам Бог, – перекрестился отче, кстати, не прекратив вращать в пальцах кубики. – Пойдем всё таки в дом. В конце концов надо поговорить.

К слову башня была не круглой, а по форме восьмигранника. Изнутри стены были идеально ровно обтёсаны и остались светлыми, будто башня только что выстроена, однако блестящие стены как полированные. Вид первого этажа формировался вокруг открытого очага, в котором между прочим лежали угли. На стенах висело разнообразное оружие от топора и шпаги, до Калашникова и FN SCAR. Стена напротив входа от верха до низу состояла из полок, на которых стояли напитки разной степени крепости и книги. У стены слева находилась вполне привычная мойка с обилием выдвижных ящиков и шкафчики, как под ней, так и над ней. Там же находилась и лестница уводящая на второй этаж, куда кстати с ленивой важностью уходил кот Тимофей. И всё это было из грубого дерева. Вдоль правой стены стоял такой же как и мойка массивный, длинный стол, судя по количеству стульев на восемь персон.

Присаживайся,— Ридора указал на стол. Тем временем сам сел во главу.

У меня первый вопрос,— начал я, ещё даже не опустившись на стул,— что здесь происходит?

О, брат, Олежка, тогда у нас с тобой выйдет совсем долгий разговор. Ну да, от него никуда не денешься. Яромила,— крикнул он.— Принеси пиво!

Откуда то у меня из за спины появилась девушка примерно двадцати лет, вся от горла до кончиков пальцев расписанная татуировками, такая себе “писаная” красавица. Невысокого роста, с крепкой спортивной фигурой. Хотя, как по мне татуировки сильно размывают контуры тела. “Ну, да хоть лицо не расписала”— подумал я, так как Яромила была действительно красива. В руках у неё были две поллитровые кружки с пивом. Обычные стеклянные кружки с богатой шапкой пены, которые девушка и поставила напротив каждого из нас. Тотчас же растворяясь в воздухе, как лёд в тёплой воде.

В семьсот втором году от рождества Христова, в семье Ингвара и Хельги, в живописном местечке Русса родился мальчик Рори, — начал было хозяин стола, погружаясь в своеобразную задумчивость, но тут же встрепенулся и широко улыбнулся,— когда нибудь я начну свой рассказ именно так. Но сейчас же тебя больше интересует почему ты? Что от тебя надо? И как решаться твои, так сказать, насущные проблемы?

Если честно, всё это похоже на какой-то сон. Как будто я погрузился в транс или просто заснул. И да, я хочу понять что здесь происходит.

Сон-то хоть приятный или не очень?— спросил Рори.

Я прислушался к себе. Конечно, было всё непонятно, и это пугало до дрожи в животе. Но, несмотря на это, мне было любопытно. Любопытно и одновременно уютно. Когда-то я испытывал такой уют морозным утром, лёжа под одеялом у бабушки. Когда дрова в печке уже трещат, но жара от них ещё нет. И очень очень хочется высунуться из под тёплого одеяла, но под ним так уютно. Я чувствовал, что открывающийся передо мной мир точно также уютен.

Добрый сон,— честно признался я.

Ну вот и хорошо.— ответил хозяин. И по нему было видно что он как-то расслабился.— Буду честен с тобой, мне нужен Оракул. Но и тут я должен тебе объяснить, что оракул не такая уж и редкость, но мне нужен именно ты.

Рори отпил из кружки. Оценил мой вопросительный взгляд.

Видишь ли, Олежка, есть универсальные принципы магии. Самые древние и интуитивно доступные для людей, прямо на животном уровне, это жертва и подчинение. Каждый человек в определённой жизненной ситуации готов что-то отдать или вытерпеть, чтобы добиться желаемого. Или силой воли переломить ситуацию, подчинить окружение и вынудить ситуацию сложиться так, чтобы произошло требуемое. Это и есть работа по этим двум принципам. Так могут делать не только простые люди, но и, например, священные животные, так что это не редкость. И простого человека от колдуна отличает только одно: человек получает удовольствие от результата, а колдун уже получает удовольствие от процесса. Поэтому в своём пике

первое это мазохизм второе садизм. Человек достаточно быстро и главное незаметно для себя извращает свою природу и душу. Да не сразу, но неотвратимо эти принципы ведут его в бездну. Он начинает буквально либо сжирать себя, либо жрать других.

Он говорил не отрывая взгляда от углей в очаге. Пальцы его перекатывали кубики по столешнице, а сам он был явно не здесь.

Также работают и оракулы. Кто кровь себе пускает, кто кур каких или котов душит, кто травит себя дрянью, а кто и совмещает всё, для пущего эффекта. Короче, живодёрня ещё та. Но есть и совершенно иные принципы. Выйти на них интуитивно, очень трудно. Для этого должно совпасть множество факторов. Например, человек должен быть воспитан в православном духе.

Вот тут ты промазал полностью,— меня как подбросило.— У меня в семье верующей была только прабабка. И та умерла, когда я был ещё совсем мальчонкой. Так что не воспитан я ни в каком религиозном духе.

Рори засмеялся.

А я и не говорил не о каком религиозном воспитании. Я говорил о том, что должно быть воспитание в определённом духе. Вот например, к тебе в окно залетает птица, ударяется о стену, ломает крыло. Что ты сделаешь?

К чему вы ведёте, разные люди поступят по разному.

Не надо мне говорить про разных людей, скажи про себя. Твои “разные” выдуманные люди поступят по разному, а реальные люди, которые живут рядом с тобой поступят так же, как и ты. И вариантов чаще всего не более трёх.

Какие варианты?— попытался я улизнуть в спасительную лазейку демагогии.

На столе появилась тетрадный лист в клеточку.

На этом листке написаны все три варианта. Расскажи что бы сделал ты и переверни его.

Бегство не удалось. И я решил не мучиться а ответить откровенно. В принципе то от моего ответа ничего не зависело, а проверка волшебника на вшивость мне была очень даже интересна.

Скорее всего, не факт, но скорее всего: оставлю этого голубя у себя. Вылечу его и отпущу здоровым. Ну или найду человека который это сделает. А в крайнем случае, например если мне куда то ехать надо, короче если не смогу этого. ... — и тут я чётко понял что уже оправдываюсь.

Найдёшь укромное местечко. Оставишь голубю еды. Уйдёшь и будешь надеяться, что птица выживет, — договорил волшебник за меня.— Переворачивай лист.

Я махнул рукой не собираясь этого делать, совершенно точно поняв, что там написано.

А теперь я тебе скажу, как ответит средний немец: первый вариант: отнесёт птицу в приют диких животных (Птицу жалко пусть о ней позаботятся те, кому за это платят). Второй: отнесёт её на улицу (Птичку жалко, но всё должно развиваться так как заведено в природе). И третий: прекратит страдание животного. Свернёт ей шею. (Птичку жалко, так зачем она будет страдать). И это ещё немцы сильно повыводились, а лет этак семьдесят назад в девяносто пяти случаях из ста, голубю отвинтили бы голову. Из чистого сострадания. И это я не говорю что они черствее или жестокие. Всё вышеперечисленное они делают из тех же самых побуждений, что и ты. Дух воспитания другой. Они воду черпают из другого колодца. Понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.